

ГЛАВА 11

Источники личного происхождения

1. Определение

ПРОЦЕСС эмансипации человеческой индивидуальности и во многом обусловленный им процесс становления межличностных отношений породили новую сферу возникновения исторических источников. В первой главе настоящего раздела подробно рассматривалась объективация процессов индивидуализации и создания вторичных социальных связей в системе исторических источников нового времени. Именно источники личного происхождения наиболее последовательно воплощают эти тенденции.

Источники личного происхождения - группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становление межличностных отношений. К источникам личного происхождения относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди.

2. Классификация

Первым и основным критерием классификации источников личного происхождения является направленность устанавливаемых ими коммуникационных связей, которая, в свою очередь, рассматривается в двух аспектах.

Во-первых, источники личного происхождения можно разделить на *автокоммуникативные* (дневники) и *межличностной коммуникации*. Вторую группу, в свою очередь, можно разделить на источники с *фиксированным адресатом* (эпистолярные источники, отчасти мемуары-автобиографии, адресованные собственным потомкам мемуариста) и с *неопределенным адресатом* (мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди).

Во-вторых, источники личного происхождения могут быть преимущественно направлены на установление связей в *эволюционном* или *коэзистенциальном* целом.

К источникам, направленным на коммуникацию главным образом и коэзистенциальном целом, относятся дневники и частная переписка. Но основная функция источников личного про-

исхождения - установление вторичных социальных связей индивидуума в эволюционном целом. Это подтверждается и тем, что достаточно часто источники, отнесенные к первой группе, предназначаются (уже в момент создания) для длительного хранения, а следовательно, потенциально, и для прочтения потомками¹⁴³.

Приведенная классификация принципиально важна не только потому, что обуславливает различия в методике изучения разных видов исторических источников. Например, вполне очевидны различия в степени влияния адресата на автора при фиксированном и нефиксированном адресате и т. д. Но важно отметить, что различная адресность и направленность коммуникации на эволюционное или коэксистенциальное целое самым существенным образом сказывается на степени сохранности исторических источников, их сосредоточенности в архивохранилищах, возможностях их поиска. Все это в конечном счете определяет степень адекватности наших представлений о том или ином виде исторических источников.

Говоря об общих свойствах источников нового времени, мы отмечали, что значительная часть их уже в момент создания предназначалась к изданию. Что касается источников личного происхождения, то источниками с нефиксированным адресатом, предназначенными к публикации, являются мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди. Причем их необходимо разделить на источники, предназначенные, как правило, к немедленному опубликованию (эссеистика), и источники с отложенной публикацией (значительная часть мемуаров «современных историй»).

Что касается дневников как автокоммуникативных источников, частной переписки, имеющей конкретного адресата, или мемуаров-автобиографий, нередко адресованных прямым потомкам, то они зачастую если и не уничтожались «самим автором или адресатом, то хранились небрежно и гибли, и если даже бережно сохранялись потомками, то системы их приема на государственное хранение (в отличие от, например, делопроизводственных источников, также не предназначавшихся для печати) не существовало, да и не существует до сих пор. Попасть в архив они могли, как правило, в составе личных фондов, а еще чаще - коллекций, что затрудняет их поиск и использование.

Кроме того, отношение к сохранению источников личного происхождения было различным в разных слоях общества и не оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода. В 60-е годы XVIII в., а затем в 60-е годы XIX в. отношение к источникам личного происхождения менялось.

Итак, прежде чем перейти к рассмотрению эволюции источников личного происхождения, подчеркнем, что наши представления о мемуарах - «современных историях», эссеистике и исповедях гораздо более адекватны, чем о дневниках, эпистолярных источниках и мемуарах-автобиографиях с внутрифамильными целями.

3. Эволюция

XVII в. Выделенные виды источников личного происхождения (кроме исповедей) формировались в Западной Европе на протяжении XVI-XVII вв., в России преимущественно в XVII в., после Смуты (кроме эссеистики).

Дальнейшая эволюция источников личного происхождения в России существенно отличалась от западноевропейского процесса, что сказывалось, в первую очередь, на эволюции мемуаристики. В Западной Европе развитие мемуаристики определялось двумя факторами, почти отсутствовавшими в России: постоянным накоплением исторических знаний (европейские мемуаристы имели возможность читать античных и средневековых авторов, знакомиться со своей национальной историей - достаточно напомнить, что Большие французские хроники издаются типографским способом с 1480 г.) и формированием общественного мнения. Для России же характерно позднее становление исторического сознания и формирование общества.

Начало XVIII в. - 1760-е гг. В начале XVIII в. в поступательный процесс эмансипации человеческой индивидуальности и создания вторичных социальных связей, формирования и структурирования общества начало резко вмешиваться государство, ускоряя и, естественно, деформируя этот процесс, что не способствует развитию источников личного происхождения, и на протяжении почти всего XVIII в. эти источники в России развивались мало. О степени распространенности дневников и частной переписки и силу вышеуказанных причин судить сложно. Эссеистика почти отсутствует, а что касается мемуаристики, то в основном речь может идти о мемуарах-автобиографиях. Русские мемуаристы еще в XVIII в. писали свои мемуары-автобиографии изолированно друг от друга, не имея возможности знакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь только на косвенные данные о степени распространенности мемуарного творчества. А.Г. Тартаковский очень точно подметил, что многочисленные ссылки русских мемуаристов на уже существующие прецеденты говорят «не о сложившейся преемственности, а как раз о ее почти полном отсутствии на ранних стадиях развития мемуаристи-

ки, ибо сама потребность опереться на чей-то прежний опыт, оправдаться перед собой и узким кругом возможных читателей указывает на то, каким необычным, дерзким являлось для автора ведение записок, как остро ощущал он «новизну жанра», а отнюдь не его традиционность»¹⁴⁴.

В 60-е годы XVIII в. в русском обществе начал проявляться интерес к истории - пока еще не к истории собственного народа и государства, а к ее классическим образцам.

60-е годы XVIII в. - 60-е годы XIX в. Указанная тенденция хотя и весьма существенна, но затрагивает по преимуществу образованную часть общества. На «демократизацию» авторского состава мемуаристов повлиял ряд крупных исторических событий, в частности губернская реформа Екатерины II и, в гораздо большей степени, Отечественная война 1812 г. Это влияние на отдельные виды источников личного происхождения будет рассмотрено особо, а пока отметим, что на первый план постепенно начали выдвигаться мемуары - «современные истории».

60-е годы XIX в. К этому времени завершилось длившееся в течение века становление исторического сознания русского общества. Самое убедительное свидетельство - начало издания исторических журналов, в частности «Русского архива» П.И. Баргенева. От традиционной историографии их отличает внимание преимущественно к недавней отечественной истории XVIII-XIX вв., чем предшествующая историография почти не интересовалась. В этих условиях мемуаристика естественно приобретает статус исторического свидетельства. Мемуарист по преимуществу пишет не о себе на фоне эпохи, а о современных ему событиях, которые общество признает историческими. Именно через отбор объектов описания проявляется унифицирующее влияние среды на мемуариста при переходе от нового времени к новейшему.

4. Историография

Поскольку предлагаемая нами система видов источников личного происхождения существенно отличается от традиционной, остановимся на том представлении об источниках личного происхождения, которое сложилось в отечественной историографии (при этом цель дать полноценный историографический обзор не преследуется).

Обычно выделяют два или три вида источников личного происхождения: *мемуары*, которые, в свою очередь, делятся на *дневники* и *воспоминания*, и *частную переписку*, или же мемуары и дневники рассматриваются как отдельные виды исторических

источников наряду с перепиской. С этим связан и спор о целесообразности использования обоих терминов - «мемуары» и «воспоминания» или одного - «мемуары». В качестве исторического источника почти исключительно разрабатывается мемуаристика.

Интерес к мемуаристике как виду исторических источников возник еще в середине прошлого века, но в позитивистской историографии мемуаристика рассматривалась преимущественно как источник фактического материала. Такой подход оказался весьма устойчивым. Еще в середине 1970-х годов П.А. Зайончковский в предисловии к указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников» уверенно утверждал: «...ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»¹⁴⁵.

В последние два десятилетия исследование мемуаристики как вида исторических источников (культурного феномена) прочно связано с именем А.Г. Тартаковского - автора трех фундаментальных монографий. В монографии «1812 год и русская мемуаристика» ученый новаторски ставит проблему, подчеркивая, что не собирается традиционно рассматривать отражение событий 1812 г. в русской мемуаристике, а сосредоточивает внимание на влиянии этого исторического события на мемуаротворчество как форму человеческой деятельности, на расширение социального состава мемуаристов. Автор определяет мемуары как «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» и утверждает: «Сравнительно с другими источниками личного происхождения именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется *историческое самосознание личности* - в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников»¹⁴⁶. В целом соглашаясь с Тартаковским, мы не можем не отметить, что если руководствоваться только тремя предложенными признаками, то к мемуарам придется отнести «Поучение» Владимира Мономаха или «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, поскольку и тот и другой писали о прошлом, основываясь при этом на своем личном опыте и памяти. Если же в полном соответствии с теорией источниковедения попытаться определить вид источника по первичной социальной функции - «реализация исторического самосознания личности», то можно столкнуться с еще большими проблемами, поскольку явно, что историческое сознание в русском обществе формируется в основных чертах с 60-х годов XVIII в. по 60-е годы XIX в., а мемуары появляются веком раньше - с конца XVII в.

Кроме А.Г. Тартаковского, существенный вклад в разработку данной проблематики внесли С.С. Минц и А.Е. Чекунова. Минц, разрабатывая проблему эволюции мемуаристики, предлагает следующий критерий: «...отражение в мемуарах степени осознания мемуаристами сущности явлений и процессов общественного развития, связи индивидуального и социального в общественной жизни»¹⁴⁷. И хотя Тартаковский спорит с Минц, отмечая, что предлагаемый ею критерий «...не учитывает реально-исторических, имманентно predetermined возможностей мемуаристики как специфической отрасли духовной культуры, ибо познание «сущности и механизма общественных отношений» составляет задачу целой системы наук гуманитарного цикла»¹⁴⁸, представляется, что их позиции не противоречат одна другой, а дополняют друг друга. В самом деле, Тартаковский, выделяя в эволюции мемуаристики три крупные вехи: 1) «переход от внутрисемейных по преимуществу целей мемуаротворчества к предназначению мемуаров для обнародования, для печати», 2) «превращение их в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения», 3) «осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка»¹⁴⁹, - практически конкретизирует в границах мемуаристики общие тенденции эволюции личности в новое и новейшее время. При этом Тартаковский справедливо считает, что речь идет не о смене функций, а о их наложении. Таким образом, получается, что мемуары, в которых повествуется об общественно значимых событиях, возникли веком позже мемуаров преимущественно с внутрисемейными целями. Но эта вполне логичная для русского материала конструкция не действует при обращении к западноевропейским источникам. Первые европейские мемуары - мемуары Филиппа де Коммина - преследуют отнюдь не внутрисемейные цели.

Отличие нашей позиции состоит не только в расширении круга источников личного происхождения за счет эссеистики и исповедей, а в том, что нами рассматриваются мемуары-автобиографии и мемуары - «современные истории» как два вида исторических источников, отличающихся по своим первичным социальным функциям.

Итак, представленная в настоящем учебном пособии система хотя и не противоречит абсолютно сложившейся в отечественной историографии, но существенно отличается от нее. Причина этого заключается в привлечении не только российского, но и западноевропейского материала.

5. Мемуары - «современные истории»

В первую очередь, требует пояснения сам термин. Выше отмечалось, что отечественная историография не разделяет мемуары на виды, а выделяет этапы становления и развития мемуаристики; однако выход за пределы источников только российской истории заставляет выделять эту группу мемуаристики, поскольку именно она наиболее характерна для западноевропейской источниковой базы. За неимением лучшего авторы используют термин, принятый в англоязычной историографии (Contemporary History), а также по смыслу соответствующий самоопределению данного вида во французской традиции.

Мемуары - «современные истории» - вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом.

Признано, что начало данному виду положили «Мемуары» Филиппа де Коммина, написанные в конце XV в. и впервые опубликованные в 1524 г. Сам автор следующим образом определял цель создания своих мемуаров и свое понимание особенностей этого жанра:

Монсеньор архиепископ Вьеннский, удовлетворяя Вашу просьбу, с коей Вы благоволите ко мне обратиться, - вспомнить и описать то, что я знал и ведал о деяниях короля Людовика XI, нашего господина и благодетеля, государя, достойного самой доброй памяти (да помилует его господь!), я изложил как можно ближе к истине все, что смог и сумел вспомнить... <...> ...Хронисты обычно пишут лишь то, что служит в похвалу тем лицам, о которых они говорят, и о многом умалчивают или же подчас не знают правды. А я решил, невзирая на лица, говорить только о том, что истинно и что я видел сам или узнал от достаточно важных персон, которые достойны доверия. Ведь не бывает, надо полагать, столь мудрых государей, что ни ошибались бы иногда, а при долгой жизни - и частенько. Но такими они и их дела предстанут тогда, когда о них сказана вся правда. Самые великие сенаты и консулы, какие только были и есть, заблуждались и заблуждаются, и это можно наблюдать каждодневно... <...> ...Хотя меня не было на месте этих событий, я был осведомлен о том, как там идут дела, в которых хорошо разбирался, поскольку имел о них представление и знал, в каком положении находятся обе стороны; позднее мне о них рассказали те люди с той и другой стороны, которые их вели...150

Недаром мемуарист сравнивает свой труд с трудом хрониста: ведь мемуары - «современные истории» восходят именно к хроникам в отличие от мемуаров-автобиографий, которым в европейской традиции предшествует биографика.

В России произведения, написанные с аналогичной целью - запечатлеть в памяти историческое событие, появляются в XVII в. Сильвестр Медведев - современник и участник событий периода регентства Софьи Алексеевны - создал труд с примеча-

тельным названием «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяся во гражданстве». Самоназвание источника - «созерцание» - свидетельствует о намерении описать то, чему автор был свидетелем, а сам он так понимал свою задачу:

...Подобает нам содеяшия в наши времена какие-либо дела не придавать забвению...<...>...Писанием оставити вежество, ибо мнози о тех делах глаголют и соперство между себе творят... абаچه инии истинствовати не могут...

Младший современник Сильвестра Медведева А.А. Матвеев также пишет записки с аналогичной целью:

...Сей автор не за лобочестие свое и не праздную себе хвалу, но для общей всех памяти о там попишется сей малый труд принять, дабы всегда в Российском государстве благоразумные и лобопытные читатели, вразумляющиеся полезно, к будущему известно своему, для познания родящихся сыновей своих от род в род оставляли незабвенно...

В Европе в XVII в. рассматриваемый вид источников личного происхождения вполне сформировался. В Англии к этому времени относится «История восстания» («The History of Rebellion») Э.Х. Кларендона*, повествовавшая о событиях гражданской войны 1642-1660 гг., в которой автор участвовал на стороне короля. В конце XVII в. епископ салисберийский Гильберт Бюрнс написал произведение с символичным названием «История моего собственного времени» («The History of My Own Times»). Бюрнс постоянно перерабатывал свой труд и готовил его к публикации.

Классикой данного вида являются мемуары французского вельможи Л. де Рувруа Сен-Симона, который не только создал обширное произведение о событиях, современником которых он был, и о людях, в них участвовавших, но и дал пример осмысления задач «современной истории».

Сен-Симон. Из предисловия к мемуарам «О дозволенности писания и чтения исторических книг, особенно тех, что посвящены своему времени» (июль 1743 г.):

Во все века изучение истории считалось столь достойным занятием, что, думается, было бы пустой тратой времени приводить в защиту этой истины несчетные высказывания самых уважаемых и ценимых авторов... <...> ...Уж если, учась ручному труду, нельзя обойтись без наставника, по крайности без наглядного примера, то тем более нужны они в различных умственных и научных занятиях, где невозможно руководствоваться только зрением и прочими чувствами.

А коль скоро лишь уроки, полученные от других, делают разум способным усвоить то, что он должен усвоить, нет науки, без коей было бы трудней обойтись, нежели история... <...>...Для достойного выполнения своей задачи автор всеобщей или частной истории обязан досконально изучить предмет посредством уг-

*Граф Эдуард Хайд Кларендон (1609-1671) - лорд-канцлер Англии в 1060-1667 гг. Во время Английской революции был одним из лидеров роялистов.

дублированного чтения, точного сопоставления и оттого сравнения других тщательнейшие отобранных авторов, разумной и ученой критики, и все это должно подкрепляться большой образованностью и остротой суждения. Я именую всеобщей историей ту, что является таковой, ибо обнимает много стран, много веков жизни церкви или одного народа, несколько царствований либо одно очень давнее или важное религиозное событие. Частной я именую историю, если она относится к временам автора и его стране, повествуя о том, что происходит у всех на глазах; и, будучи более узким по охвату, подобный исторический труд должен содержать гораздо больше мелких подробностей и вводить читателя в среду действующих лиц, чтобы ему казалось, будто он не читает историю или мемуары, а сам посвящен в тайны того, что перед ним изображают, и вочичю видит то, о чем ему рассказывают. Такой жанр требует цепетильной точности и достоверности каждого сюжета и каждой черты... особенно же важно, чтобы, описывая события, сочинитель опирался на источники, личные впечатления или рассказы своих близких друзей; в последнем случае самолюбие, дружба, неприязнь и собственная выгода должны приноситься в жертву истинности даже наимельчайших и наименее важных подробностей <...> Писать историю своей страны и своего времени - значит тщательно и обдуманно воскрешать в уме виденные, пережитые, узанные из безупречного источника, события на театре жизни, различные их механизмы и подчас ничтожные на первый взгляд пустяки, которые привели в движение пружины этих механизмов <...> Поучительность ее воспитывает для жизни в свете, общения с людьми и в особенности для занятий делами. Примеры, которые почерпывают в ней читатели, направляют и оберегают их тем легче, что живут последние в тех же местах, где произошли события, и во времена, еще недостаточно отдаленные, чтобы нравы и образ жизни, правила обхождения и поступки существенно изменились. Каждый мазок авторской кисти вооружает рекомендациями и советами в отношении изображаемых лиц, поступков, стечений обстоятельств и следствий, ими вызванных, но эти рекомендации и советы насчет предметов и людей извлекаются самими читателями и воспринимаются ими тем легче, что они свободны от многословия, сухости, навязчивости, докучности, кои делают неприятными и бесплодными рекомендации и советы тех, кто навязывает их нам. Итак, я не вижу ничего, что было бы полезнее этой двойной отработанной возможности просвещаться, читая историю своей страны и своего времени, и, следовательно, ничего более дозволенного, чем писать последнюю <...> Тот, кто пишет историю своего времени, стремясь только к правде и никого не щадя, всячески старается скрыть, чем занимается... Следовательно, автор, ежели только он не решился ума, ни за что не позволит, чтобы его заподозрили в написании истории. Он даст книге созреть, упрятав ее под ключ и надежные замки, так же тайно передаст своим наследникам, а то благоразумно выждут одно-два поколения и выпустят ее в свет не раньше, чем время станет ей защитой от преследований...¹⁵¹

Иногда в мемуары - «современные истории» перерастают мемуары или дневники, которые автор начинал писать «для себя». Например, Арман де Коленкур - автор хорошо известных мемуаров о наполеоновских войнах - пишет:

...Когда я начал вести свои записи, я не преследовал другой цели, кроме желания отдать себе отчет в своей жизни, в своих впечатлениях и своих поступках. По потом эти заметки показали мне материалами, дающими необходимое дополнение к официальной части моей посольской корреспонденции и, может быть, даже к истории этой великой эпохи, ибо все, что относится к России, имеет для этой истории существенное значение, так как Россия в мировых делах занимала тогда первое место после Франции.¹⁵²

В России Отечественная война 1812 г. также породила обширный корпус мемуарных произведений¹⁵³. Примечательность его в том, что он инициирован общественно значимым событием. И далее на протяжении XIX-XX вв. любое общественно значимое событие вызывало к жизни более или менее обширную мемуарику. Такого рода «социальный заказ» неизбежно влиял и на содержание мемуаров: авторы, освещавшие одно и то же событие, не могли не учитывать уже высказанные другими авторами (не обязательно мемуаристами, но и публицистами, историками) точки зрения, консолидируясь или полемизируя с ними.

К началу XX в. принадлежат, например, мемуары С.Ю. Витте, написанные фактически в ответ на газетную полемику вокруг инициированных им реформ.

Очевидно, что мемуары - «современные истории» уже в момент написания рассчитаны на публикацию. Однако почти на протяжении всего рассматриваемого периода авторы предполагают публикацию спустя какое-то время, иногда весьма продолжительное. Об этом писал Сен-Симон, так же относился к своим мемуарам через полтора века С.Ю. Витте.

6. Мемуары-автобиографии

Мемуары-автобиографии - вид источников личного происхождения, целью которого является установление вторичных социальных связей мемуариста в эволюционном целом. Мемуары-автобиографии преследуют чаще всего внутрифамильные цели, предназначаются непосредственным потомкам. Для них, по крайней мере на первом этапе их существования, характерен произвольный отбор информации в соответствии с индивидуальными представлениями мемуариста.

В России мемуары-автобиографии восходят к житийной традиции, поскольку в российском средневековье не было других биографических жанров, в отличие от Западной Европы (достаточно вспомнить хотя бы классику вида - биографию Карла Великого).

Как уже отмечалось, исследование мемуаров-автобиографий затруднено из-за отсутствия общественного механизма их сохранения.

Во многом автобиографично «Житие протопопа Аввакума» (1072-1075). Аввакум так оправдывает свое неслыханное предпрятие:

Аввакум протопоп понужден бысть житие свое написати иноком Елифангем, - понеже отец ему духовной иннок, - да не забвению предано будет дело божие;

*и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему... <...>
...По сему всякого правоверного прощения прощу; иное было, кажется, про житие-то мне и не подобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, - апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них; не нам, богу нашему слава. А я ничто же есм...¹⁵⁴*

Житийная традиция (житие-мартиролаг) однозначно прочитывается в мемуарах Натальи Борисовны Долгорукой, хотя это уже мемуары в чистом виде.

Классикой вида мемуаров-автобиографий, несомненно, являются мемуары А.Т. Болотова. Остановимся на них подробнее, с тем чтобы выявить специфику данного вида и сравнении с мемуарами - «современными историями».

В соответствии с заявленным подходом обратимся сначала к личности мемуариста - и сразу же обнаружим парадоксальное явление: Л.Т. Болотов известен в нашей истории почти исключительно как мемуарист, т. е. не мемуары интересны нам потому, что написаны известным историческим лицом, участником исторических событий, а личность приобрела известность потому, что была автором одного из обширнейших мемуарных произведений в русской истории. Но интересные мемуары не могут быть написаны заурядным человеком. Незаурядность А.Т. Болотова - в абсолютной типичности его судьбы, о которой сам мемуарист писал: «...в ней нет никаких чрезвычайных и таких достопамятных и важных происшествий, которые бы достойны были переданы быть свету».

Андрей Тимофеевич Болотов родился 7(18) октября 1788 г. в семье офицера и, по обыкновению того времени, малолетним был зачислен в полк, которым командовал его отец. А.Т. Болотов получил типичное домашнее образование, изучал немецкий и французский языки, некоторое время учился в частном пансионе. В 17 лет, уже осиротев, он поступил на действительную службу, вскоре получил офицерский чин и участвовал в Семилетней войне. Во время одного из главных сражений этой войны, при Грос-Егерсдорфе (1757), полк; в котором служил А.Т. Болотов, находился в резерве и Болотов описал это сражение как близкий наблюдатель. И эта позиция - позиция наблюдателя - становится для него обычной: он был свидетелем, но не участником многих событий второй половины XVIII в., которые и описал в своих мемуарах. Это Семилетняя война, кратковременное правление Петра III, «чумной бунт» 1771 г. в Москве, Пугачевское восстание (впрочем, прошедшее стороной от его имени) и казнь Пугачева, события начала правления Павла I и многое, многое другое.

XVIII в. - век чиновников. После завоевания Восточной Пруссии Болотов служил в канцелярии русского военного губер-

натора П.А. Корфа, который, став Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером, в начале 1762 г. сделал Болотова своим адъютантом. На короткое время Болотов стал очевидцем событий в Петербурге. Воспользовавшись возможностью, предоставленной манифестом от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», Болотов вышел в отставку и приступил к благоустройству своего имения Дворениново в Тульской губернии. Многие из ушедших в отставку по Манифесту о вольности дворянства вскоре вернулись на службу. Не избежал этого и Болотов, хотя на сей раз служба его была не совсем традиционной: с 1774 г. он управлял Киясовской, а затем Богородицкой дворцовыми волостями. Нетрадиционность службы не помешала Болотову при выходе в отставку, после перехода Богородицких волостей в собственность графа Бобринского, в 1707 г. получить чин коллежского асессора. С этого времени и до конца жизни он жил в своем имении. Если и во второй половине XVIII в. жизнь молодого Болотова не была богата событиями, тем более исторического характера, то в XIX в. мемуарист стал вполне типичным помещиком, почти безвыездно жившим в своем имении и занимавшимся сельским хозяйством. Умер А.Т. Болотов 7 (19) октября 1833 г., прожив ровно 95 лет.

Увлечения Болотова были также вполне традиционными для его времени. XVIII в. - век энциклопедистов, и Болотов был увлечен науками, в первую очередь агрономией. Его труд «Изображения и описания разных пород яблоков и грущ, родящихся в Дворенинских, а отчасти и в других садах; рисованы Андреем Б. 1797-1800» позволяет считать Болотова родоначальником отечественной помологии. Он разводил новые для XVIII в. культуры - помидоры, луговые травы; предложил свою систему земледользования. Болотов занимался практическим врачеванием в своем имении в исследованиями в области медицины, результатом чего стала его работа «Краткие и на опытности основанные замечания о электризме и о способности электрических машин к помоганию от разных болезней» (1803). В XVIII в. российская наука оформлялась организационно, возникали научные общества. Наиболее известным из них было Вольное экономическое общество (ВЭО), созданное в русле не только отечественной, но и общеевропейской традиции XVIII в. В 1767 г. Болотов стал членом ВЭО и активно сотрудничал в издаваемых им «Трудах».

Вторая половина XVIII в. - время зарождения русских журналов, и Л.Т. Болотов в 1778-1779 гг. издает журнал «Сельский житель», а с 1780 по 1789 г. как приложение к газете «Московские ведомости» и при сотрудничестве с Н.И. Новиковым - журнал с традиционно для XVIII в. длинным названием «Экономический

магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся для земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и не бесполезных городским и деревенским жителям вещей в пользу российских домостроителей и других любопытных людей образа журнала издаваемой».

Екатерининская эпоха - период философских увлечений, и Болотов публикует философские труды «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожой и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» (1776-1779), «Чувствование христианина при начале и конце каждого дня на неделе, относящееся к самому себе и к Богу» (1781) и «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго» (1784).

XVIII в. - время становления русской литературы, драматургии, театра, и А.Т. Болотов пишет пьесу «Несчастныя сироты» (1781) и делает несколько переводов литературных произведений. Ил «увлечений» своего века Болотову удалось избежать лишь участия в дворцовых переворотах, хотя он достаточно близко был знаком с Г. Орловым и последний попытался вовлечь Болотова в заговор против Петра III, а также участия в масонских обществах, несмотря на длительное знакомство и деловые отношения с Н.И. Новиковым.

На протяжении многих десятилетий А.Т. Болотов вел дневники. По свидетельству его внука, после отставки в 1797 г. и почти до последних дней своей долгой жизни Болотов начинал день с записей в «Книжке метеорологических замечаний», «Журнале вседневных событий» и «Магазине достопримечательностей и достопамятностей». Эта разделенность обыденных и примечательных событий говорит о том, что Болотов и в XIX в. продолжал воспринимать себя не как деятеля, а как наблюдателя.

Итак, с одной стороны, вполне заурядная судьба, а с другой стороны, многоаспектная реализация творческих устремлений в самых разных сферах - от медицины до философии. Каково же место мемуаров в жизни Болотова? Зачем он на протяжении многих десятилетий изо дня в день писал воспоминания?

Свои уникальные как по объему, так и по абсолютной типичности для XVIII в. мемуары Л.Т. Болотов начал писать в 1789 г. 9 января 1811 г. в 248-м письме своих «записок», относящемся к событиям 1789 г., он пишет:

Я занимался отчасти продолжением своих экономических сочинений для журнала, отчасти затеванием кой-каких новых письменных работ, но из коих только две получили в свое время свое порядочное основание. Первое состояло в основании побочных исторических записок, относящихся до всего нашего отечества... А второе состояло в пристальнейшем продолжении описания собственной моей жизни и всех бывших со мною происшествий...

Хотя отдельные попытки писать мемуары А.Т. Болотов предпринимал и раньше, по 24 января 1789 г. он приступил к мемуарам вновь и - что примечательно - одновременно с началом работы над историческим заметками.

Не тщеславие, и не иная какая намерения побудили меня написать свою историю моей жизни, - пишет А. Т. Болотов - ...Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий, и через то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь о них, и о том, как они жили, и что с ними в жизни их случалось и происходило, хотя некоторое небольшое сведение и понятие... Я винил предков моих за таковое небрежение и не хотя сам сделать подобную их и непростительную погрешность, и таковые же жалобы навлечь со временем и на себя от моих потомков, рассудил потребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мною во все время продолжения моей жизни.

А.Т. Болотов не понимал, да и не мог понять, что не нерадивость предков виною тому, что они не писали мемуаров. Стремление «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем» могло появиться лишь у человека, сознающего свою отдельность от окружающего его социума и понимающего ценность своего индивидуального опыта. И Болотов стремился передать именно свой индивидуальный опыт, а не «историческое бытие». Типична дал XVIII в. и адресность мемуаров Болотова:

...писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение...

И мемуарист не лукавит. Подтверждение тому - аккуратное оформление рукописи, переплетенной в отдельные тома приблизительно равного объема, с виньетками и заставками, рисованными пером самим автором.

А.Т. Болотов формулирует «принцип отбора» событий таким образом:

...При описании сем старался я не пропускать ни единого происшествия, до которого достигала только моя память и не смотрел, хотя бы иная из них и самая маловажная, случившаяся еще а нежнейшая лета моего младенчества... <...> ...А как я писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей, и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение: то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и ве-

лико; а старшим только, чтобы чего не было пропущено, почему в случаи сели кому из посторонних случится читать сие прямо на бело писанное сочинение, то и прощумя в том и в ошибках благосклонно извинить...¹⁵⁵

Естественно, что руководствоваться такими «критериями» отбора при написании «современной истории» невозможно.

Как уже отмечалось, писание мемуаров не было распространенным занятием в России XVIII в. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. появился комплекс мемуаров, объединенных сходным социальным составом их авторов, - мемуары провинциальных чиновников, порождение губернской реформы 1775 г.

В связи с рассмотрением законодательных актов и учетной документации говорилось, что создание большого количества новых чиновничьих и канцелярских мест в системе местного государственного аппарата породило определенный дефицит кадров. Это заставляло пополнять государственный аппарат выходцами из непривилегированных сословий. В этот период служачие в местные учреждения набирались - кроме, естественно, дворян - из среды церковно- и священнослужителей; приказных, подьяческих и секретарских детей; обер-офицерских, солдатских детей, из купечества и даже из отпущенных на волю крепостных крестьян и господских людей. Кардинальные изменения в социальном составе местного чиновничества произошли в очень короткие сроки, уже к началу 80-х годов. Эти изменения не остались незамеченными и современниками-мемуаристами. Один из них, И.И. Мешков, писал в своих записках: «По новости Саратовской губернии, в канцелярских служителях по всем присутственным местам была общая потребность и, стало быть, не предстояло не малейшего затруднения быть принятым на службу немедленно»¹⁵⁶. Кстати, прадед мемуариста был крепостным, отпущенным помещиком на волю в 1748 г. Сам же И.И. Мешков, поступив на службу при открытии Саратовской губернии, в 1782 г., в возрасте 15 лет, стал копиистом, в 1784 г. - подканцеляристом, 16 марта 1787 г. был произведен в канцеляристы, а 23 ноября того же года - в губернские регистраторы. Первый классный чин коллежского регистратора он получил 1 декабря 1791 г., т. е. после десяти лет канцелярской службы.

Писал об этом и выходец из крестьян Л.А. Травин, отец которого «находился крепостным графа Павла Ивановича Ягужинского и его жень»: «...при наступлении 1778 года открылось Псковское наместничество... Тогда свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины»¹⁵⁷. На это же указывали и мемуаристы-дворяне, например Г.С. Винский, который замечал: «Судебные места умножены с умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновни-

ками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80 судей. Умножение судейских мест, конечно, открыло многим бедным семействам средства к существованию...»¹⁵⁸. Развитие этой тенденции в начале XIX в., после министерской реформы, уже в рамках системы центральных государственных учреждений, описал другой мемуарист - Ф.П. Лубяновский (кстати, с 1819 г, Пензенский гражданский губернатор):

Нынче сто рук нужны там, где тогда одиннадцатая была лишнею. Едва ли однако же это можно безусловно приписать лишь разделению работы, впрочем до роскоши дробному. Нужда здесь, кажется, сама о себе промышляет: тысячи молодых людей всякого звания, редкий из них не нищий, готовят себя по отеческому преданию к статской службе дома, в судах, в магистратских, публичных заведениях, и как на море волна за волной, так они толпа за толпой спешат выйти на этот берег. Изъяв немногих, которым способности, более или менее обработанные наукою, и еще немногих, которым счастливые случаи пролагают дорожку, большая часть, и то не все правильно, изучают одно ремесло, не мудреное, но в их глазах выше всякой промышленности, ремесло владеть пером как челноком за ткацким станом, этим ремеслом начинают и оканчивают служебное поприще, не приготовив себя ни к чему иному, не имея к тому и способ»¹⁵⁹.

В ходе губернской реформы не только создавалась новая система местных государственных учреждений, но и формировался новый тип чиновника - выходца из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргинала по своей социальной сущности. Такой «маргинальный» тип чиновника - тип исключительно российский. Он мог возникнуть лишь в специфических российских условиях целенаправленного формирования и длительной консервации сословного деления общества.

Для провинциального чиновника конца XVIII в. характерно сочетание извечного чиновничьего превосходства и определенной социальной ущербности - сочетание, с психологической точки зрения, не столь уж редкое и вполне понятное. Свидетельством осознания мелкими чиновниками своей социальной значимости являются их мемуары, причем не только, а может быть, и не столько содержание мемуаров, сколько сам факт их писания, однозначно говорящий о самоосознании личности. Значительный интерес представляют мемуары П.С. Батурина, Г.С. Винского, Г.И. Добринина, Т.П. Калашникова, Ф.П. Лубяновского, И.И. Мешкова, Ф.П. Печерина, М.С. Ребелинского, Я.И. де-Санглена, Л.А. Травина, И.А. Тукалевского, В.С. Хвостова¹⁶⁰.

Чувство чиновничьего превосходства во многом основывалось на осознании феномена могущества канцелярии. Глубокие размышления или отдельные наблюдения на эту тему можно найти у многих мемуаристов. Например, П.С. Батурин писал:

«При первом моем входе в судилище я почувствовал некое священное движение в душе моей, происходящее от воображения, что от должности судящих зависит благосостояние и жизнь человека»¹⁶¹. Но далее Батуриин, подробно описывая порядки в учреждении, показал, что реальная власть была у секретаря канцелярии и основывалась она, по мнению мемуариста, на исключительном преимуществе знания законов, с которыми чиновники присутствия обычно не имели охоты знакомиться; а те же, кто хотели это сделать, включая и самого Батурина, наталкивались на сопротивление канцелярии:

Секретари, хотя имели некоторый собрания под названием «Свода законов», но они с ревностию хранили их от желающих познать оныя, а паче от присутствующих, подобно древним Герофантам, хранившим тайны свои, дабы не потерять уважения от несмышленых; так и секретари судебных мест, дабы они могли руководствовать в делах судящими и быть указателями законов, но мера прибыли, им от такого присвоения приносящей, укрывали законы от присутствующих.

Описывая те препятствия, с которыми ему пришлось столкнуться при стремлении изучить законодательство, П.С. Батуриин отмечает и такое:

В каком источнике оное познание черпать надлежало, мне было не известно, ибо законов печатных не много тогда было и те, кроме некоторых указанных книг, печатны были порознь и не во всяком присутственном месте находились»¹⁶².

Это свидетельствует о малой эффективности усилий правительства, направленных на публикацию законодательных актов, предусмотренную, в частности, еще объявленным из Сената указом от 16 марта 1714 г. «О обнародовании всех именных указов и Сенатских приговоров по Государственным генеральным делам». Но поскольку, согласно именованному указу от 22 января 1724 г. «О важности государственных уставов и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа», незнание закона чиновником рассматривалось как преступление, члены присутствия всячески старались продемонстрировать свою компетентность. Например:

Председатель притворялся, будто он читаемое дело понимает, а когда доходило до выписок под экстрактами из законов, тогда он читать их не приказывал, желая через то показать, что он законы и без чтения знает...»¹⁶³

Естественно, что при таком отношении членов присутствия служащие канцелярии ощущали свою значимость, несмотря на невысокие чины.

Основания для особого самоощущения чиновников в сравнении с другими представителями покинутой ими социальной

группы (мещане, купцы, дети священников) давала перспектива повышения социального статуса с получением очередного чина - вплоть до потомственного дворянства с чином коллежского асессора (VIII класс), открываемая перед чиновником петровской Табелью о рангах. Чин выступает для государственного служащего как ценность, равноположенная, а иногда и более значимая, чем жалование: «В России человек без чина, - по утверждению Г.И. Добринина, - человек без звания»¹⁶⁴. Однако здесь выходцев из непривилегированных сословий ждало разочарование. При чинопроизводстве явное предпочтение отдавалось дворянам, что прекрасно осознавали все государственные служащие. В частности, Ф.П. Печерин, описывая получение им чина коллежского асессора в 1806 г., отмечал: «Причиной моего долговременного бытия в 9 классе непредставление, отчасти по беспечности, грамоты на дворянство или достаточного свидетельства о службе предков»¹⁶⁵.

И это заставляло приподнявшегося над своим сословием купца или сына священника постоянно ощущать свою ущербность. Особенности самосознания провинциальных чиновников - выходцев из непривилегированных сословий нашли отражение в их мемуарах. В них чиновники уделяли значительное внимание вопросам чинопроизводства и вознаграждения за службу, фактически свидетельствуя о действенности законодательных усилий правительства, направленных на сохранение дворянского характера государственного аппарата. Так, И.И. Мешков пишет о конце 80-х годов:

Классных же чинов гражданским чиновникам тогда не давали, по случаю приостановления производства года на четыре, по протесту обер-прокурора Правительствующего Сената Колокольцева, так как оно шло беспорядочно и неравномерно: ибо я помню, что иные по два чина в год получали, а другие и в несколько лет ни одного. Поэтому-то впоследствии и вышел известный указ 1790 г. о терминах на все чины до надворного советника включительно.

Он также отмечает эффективность и другой законодательной нормы, связанной с чинопроизводством: «...чинов в то время никому не давали, кроме как на вакансии»¹⁶⁶. После этого, по свидетельству другого мемуариста Я.И. де-Санглена, награждение чинами происходило, как правило, «...не по знанию, не по достоинству, а по назначению и старшинству»¹⁶⁷, что вполне соответствовало принципам указа от 16 декабря 1790 г. В целом мемуаристы отмечают эффективность названного указа и четкость порядка чинопроизводства после его издания. Пожалуй, лишь В.Ф. Малиновский в своих мемуарах пишет о «торговле чинами» (правда, не в провинции, а в Петербурге) и «по слухам» приводит даже такой неприглядный факт: «Ныне слышал, что одному

коллежскому секретарю захотелось ассессорского чина. У него была дочь красавица. Ему сказали, что если ее отпустить на ночь к (ген. ад.) А.Б., то ему будет чин. Он отпустил дочь и за ее честь получил чин»¹⁶⁸. Но, на наш взгляд, такие свидетельства В.Ф. Машиновского скорее можно объяснить плохим характером мемуариста.

Часто, сетуя на задержку чинопроизводства, мемуаристы обращают внимание на привилегированное положение дворян, которые могли начинать службу на военном поприще или служить по выборам. Интересно в этом плане свидетельство Я.И. де-Санглена: «Тогда ни единый дворянин не начинал службы с коллежского регистратора, разве больной, горбатый и проч., и переходил в статскую, по крайней мере, в штаб-офицерском чине...»¹⁶⁹.

И.И. Мешков, описывая в своих «Записках» баллотировку уездного предводителя дворянства, отмечает: «Особливого примечания заслуживает оказавшееся при открытии губернии рвенние дворянства служить по выборам: каждый за особливую себе честь поставлял быть избранным в какую-либо должность»¹⁷⁰.

Правда, у выходцев из непривилегированных сословий была возможность ускорить чинопроизводство. И эта возможность не осталась незамеченной мемуаристами. В.С. Хвостов, в частности, так описывал набор чиновников для службы в Иркутской губернии: «Для поощрения же, чтобы туда ехали люди способные, испросили по два чина; следовательно, сделался я из капитанов надворным советником и был определен советником в гражданскую палату...»¹⁷¹.

Кстати, то, что в качестве поощрения за службу используется преимущественное чинопроизводство, а не повышенное жалованье, весьма примечательно.

Вопросы вознаграждения за службу также занимали мемуаристов. Значительное место в мемуарах чиновников уделяется денежному жалованью. Г.С. Винский, отмечая, что «умножение судебных мест... открыло многим бедным семействам средства к существованию», пишет, что «...жалованье по тогдашнему времени назначено было довольно достаточное»¹⁷². Как вполне достаточное оценивали свое жалованье сами чиновники. Т.П. Калашников в мемуарах, описывая получение им жалованья при поступлении на службу, пишет: «...первой раз за первую треть получил л жалованье 93 копейки - великая для меня сумма». И конечно же, для мелких канцелярских служащих весьма ощутима была прибавка жалованья при занятии более высокой должности. Тот же Т.П. Калашников замечает: «...в 21-е апреля 1776 года сделан был подканцеляристом, а с чином и жалованья уже стал полу-

чать 60 рублей в год»¹⁷³. Получение жалованья считает значимым фактом своей жизни титулярный советник М.С. Ребелинский. 15 сентября 1794 г. он записывает в дневнике: «Жалованья получил 82 р. 10 к. в треть»¹⁷⁴. О жалованье как о единственном источнике существования пишет и И.И. Мешков, правда, применительно уже к началу XIX в.: «Без должности оставаться было мне невозможно, так как у нас с женою особенных средств к жизни не было, и мы жили одним только моим жалованьем»¹⁷⁵.

Итак, в мемуарах основное внимание уделяется вопросам службы, особенно чиновничества, и получения жалованья. Однако никакого стремления запечатлеть ход истории или хотя бы какие-нибудь исторические реалии здесь не обнаруживается.

В XIX в. мемуары-автобиографии отходят на второй план, будучи оттесненными мемуарами «современными историями», и в дальнейшем общественный интерес вызывают (а значит, становятся широко известными) мемуары-автобиографии преимущественно творческих деятелей, хотя механизм отбора фактов изменяется под усиливавшимся влиянием социальной среды.

7. Эссеистика

Эссе - вид исторических источников, предназначенных для передачи уникального опыта индивидуума в коэзистенциальном целом. Эссеист излагает свое мнение по произвольно выбранной им или по общественно значимой проблеме. Существенно важно, что, в отличие от публициста, эссеист не выступает от имени какой-то социальной группы.

Эссеистика как вид исторических источников нового времени восходит к «Опытам» М. Монтеня (1581), в которых он сообщает свое мнение по самым разным проблемам, например: о скорби, о стойкости, о уединении.

Мишель Монтень

К читателю.

Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предуведомляет тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги — доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне. Если бы я писал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принорядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех пле-

мен, которые, как говорят, и посейчас еще наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги - я сам, а это отнюдь ни причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному: Прощай же!

*Первого марта тысяча пятьсот восемьдесят года*¹⁷⁰.

Если ориентироваться только по этому обращению, вполне можно принять произведение Монтеня за мемуары. Действительно, Монтень излагает свой личный опыт, однако в его произведении почти отсутствует ретроспективная информация.

В дальнейшем эссеистика получила достаточно широкое распространение в Западной Европе. Эссеистика и по сию пору выступает как форма научного гуманитарного произведения (например, «Опыт о даре» М. Мосса).

В России этот вид исторических источников был распространен чрезвычайно мало. Лучшим свидетельством тому является отсутствие в русском языке слова для адекватного перевода французского слова *essai* (его переводят то как «опыт», то как «очерк»). По-видимому, первые, весьма немногочисленные, произведения этого вида появились в России в начале XIX в. - например, «Избранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя или «Философические письма» П.Я. Чаадаева. Но очень быстро эссеистика была подавлена публицистикой, личностная позиция подчинена общественному интересу. Впоследствии эссеистика осталась как один из философских жанров. Произведениями такого жанра являются, например, «Уединенное» В.В. Розанова, «Роза мира» Д.Л. Андреева и др.

В целом отсутствие развитой эссеистики, в частности в литературной, научной и философской сфере, - характерная особенность структуры российской источниковой базы. Осознание этого факта позволяет лучше понять российскую ментальность, характер взаимосвязи личности и общества.

8. Исповедь

ИСПОВЕДЬ - вид философских произведений, утверждающих уникальность человеческой индивидуальности. Такое предназначение данного вида исторических источников сближает его с эссеистикой.

Жанр исповеди нельзя отнести к распространенным, но он принципиально важен для понимания источников нового времени. Во-первых, необходимо строго разграничивать «исповедь» в системе источников нового времени от средневековых источников с тем же названием (например, «Исповедь блаженного Авгу-

стина»). Средневековые источники носят явно выраженный теологический и нравоучительный характер.

Начало виду в системе источников нового времени положила «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, написанная во второй половине 1760-х годов. Попробуем разобраться, в чем заключается цель создания данного произведения. Если ориентироваться только на формальные признаки, принятые в отечественной историографии при характеристике мемуаров, то произведение Руссо вполне можно было отнести к мемуарам: в центре повествования - личность автора, он по памяти воспроизводит события своей жизни, а понятие об «историческом самосознании» как первичной социальной функции мемуаристики слишком расплывчато для того, чтобы использовать его в качестве практического критерия. Руссо, казалось бы, не отбирает события, Он пишет обо всем, о чем вспомнит, вплоть до мелочей, и в этом он похож на А.Т. Болотова; но произведение Руссо содержит еще более мелкие, мало значимые детали его жизни. Ключ к пониманию смысла произведения - в первых его абзацах:

Я предпринимаю дело беспримерное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, - и этим человеком буду я.

Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь.

Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, - я предстану пред Верховным судьей с этой книгой в руках. Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь. Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил всю свою душу и показал ее такую, какую ты видел ее сам, всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучьях. Пусть каждый из них у подножия твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет тебе: «Я был лучше этого человека»¹⁷⁷.

Итак, произведение Руссо - философское. Смысл его в утверждении уникальности человеческой индивидуальности в противопоставлении общепринятому мнению эпохи Просвещения о единообразии природы человека.

Другие известные нам исповеди имеют также философский характер (не забудем при этом, что этика - часть философии).

В российской традиции выделим два произведения рассматриваемого вида: «Исповедь» Л.Н. Толстого и «Самопознание» Н.А. Бердяева (хотя последнее произведение и находится вне хронологических рамок данного раздела, но по сути оно тяготеет именно к этой эпохе).

Сопоставление приведенных примеров заставляет сделать вывод о нарастающем влиянии социальной среды на индивидуальность. В произведении Н.А. Бердяева социальный фон гораздо более ощутим, чем в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо.

ГЛАВА 12

Изменения в корпусе исторических источников при переходе от нового времени к новейшему

1. Проблема перехода от нового времени к новейшему

ОХАРАКТЕРИЗОВАВ в целом источники российской истории XVIII-XIX вв. как источники нового времени и рассмотрев их в связи с корпусом источников европейской истории, мы должны признать, что в границах этого периода явно происходит переход от нового времени к новейшему. Отталкиваясь от разных исторических событий: франко-прусской войны 1870 г., англо-бурской войны начала XX в., первой мировой войны, революции в России, конца первой мировой войны, - можно определить рамки этого перехода: 1870-1918 гг. Вполне очевидно, что границы здесь более определены, чем при переходе от средних веков к новому времени. Но, обосновав в качестве критерия перехода от одной крупной исторической эпохи к другой изменения в корпусе исторических источников, применим его к данной проблеме.

На первый взгляд, нас ожидает разочарование, Ведь мы уже убедились, что в конце XIX - начале XX в. новых видов исторических источников не возникает. Конечно, появляется большое количество разновидностей. Но, во-первых, этот процесс идет постоянно и не делает «качественных скачков» на рубеже веков; во-вторых, его масштабы несопоставимы с масштабами порождения новых видов при переходе от средних веков к новому времени.

Тем не менее существенные изменения происходили в корпусе источников и при переходе к новейшему времени. Этот пере-